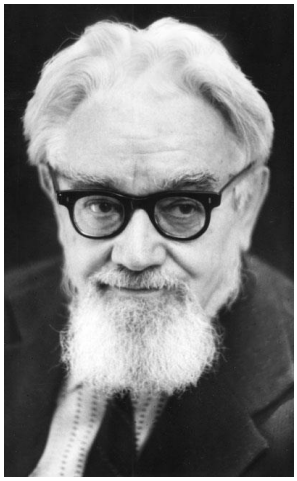
Ефремов Юрий Константинович
Музей землеведения МГУ
имени М.В. Ломоносова



Первый директор Музея Землеведения МГУ, отдавший многие годы делу его организации и развития, в годы войны внес свой достойный вклад в борьбу народа с фашизмом. С первых дней ВОВ он, преподаватель географического факультета, был активным участником ПВО столицы, за что отмечен медалью "За оборону Москвы". В 1943году призван в армию, закончил пехотное училище и в звании младшего лейтенанта проходил службу в генеральном штабе РККА как научный сотрудник Военно-топографической службы. Далее рассказ об участии Юрия Константиновича в ВОВ его словами, взятыми из замечательной книги "На вершине Москвы", повествующей о вкладе автора в создание и развитие нашего музея.

ОБОРОНА МОСКВЫ

Весной 1941-го я был послан во главе межфакультетской комиссии в Геленджик — оценить, можно ли использовать университетский санаторий как базу для академической практики студентов, а потом угодил даже в начальники этой практики. Там меня и застало 22 июня 1941 года. В Москву вернулись незадолго до начала бомбежек, готовили факультет к эвакуации — тут тоже пришлось немало повариться в общеуниверситетском котле. Трагическое лето, крушение всех обещаний «бить врага на его территории», а он уже у стен Питера и на подступах к Москве! На фоне этих трагедий, не мелкими ли водевилями кажутся наши эвакуационные страсти и споры, кому в каких эшелонах ехать в намеченный для москвичей Ташкент — таким ли он теперь окажется «городом хлебным?»

Не были для университета трагичными и первые месяцы бомбежек — немецкая торпеда обидела его лишь 29 октября. Вся профессура и ассистентура считалась бойцами противовоздушной обороны — ПВО — и обязана была еженощно дежурить — ночь на чердаках университета, ночь у себя дома. Чердаки были полны невиданной экзотики — огнеупорные маски с ехидными щелями глаз, щипцы и бочки для хватания и тушения «зажигалок», лопаты у ящиков с песком. Во время налетов авиации легкомысленные вылезания на крышу, пока рядом не шмякнулось что-то горячее и тяжелое — осколок снаряда, разорвавшегося на небесах. Фантастические иллюминации — пляска прожекторов, разноцветные пунктиры трассирующих пуль — богоподобной Елисавет и не снились такие фейерверки! А мы — дежурные — только ахаем, ужасаемся уже полыхающим где-то пожарам, а сами — как в клубе. Борис Павлович Орлов — чем не бородатый дед-мороз — обходит дозором владенья свои, посещая, как проректор, чердаки и физиков, и химиков, и биологов. Но среди ночи, а то и под конец, обязательно приходит и на географический — тут у него есть «пунктик» — он, как и я, любит шахматы, а где как не в ожидании бомб лучше играется — ох и поиграли же мы с ним!

Готовясь к эвакуации, многие уже свезли свои пожитки в полуподвальные анфилады старого здания. Некоторые даже и живут там семейными таборами, что-то варят на электроплитках и керогазах. Тягостная в своей обыденности проза — она уже и обыденная?! Но вот для разнообразия и главный водевиль, скорее трагикомический! На перроне одного из московских вокзалов в отнюдь не товарный эшелон, а во вполне комфортабельный люкс-поезд с мягкими вагонами погружался «весь мозг» университета — его Ученый совет — все заживо классики, физики, химики, математики, — все, кто привык считать, что «московский университет это мы». Помню, что из географов места тут удостоились наши профессора Витвер и Барков, а из геологов — Мазарович, все с женами, г «Царский» поезд провожал сам ректор Бутягин. А на кого из

отъезжающих он возложил исполнять свои обязанности там, в Ташкенте, мы как-то и не упомнили. Немцы под Москвой, Бородинское поле — снова поле битвы. Москва в постоянном ожидании воя сирен. Но почему в руках у провожающего Бутягина оказался кем-то угодливо и вовремя подсунутый чемодан? Поезд тронулся, и Бутягин с чемоданом бойко вскочил на подножку вагона. Уехал!

В ночь на 15-е октября мы снова на дежурстве на факультетском чердаке — о бегстве ректора смутные слухи. Традиционно приходит на чердак и проректор Орлов, слух подтверждает, но суждений не высказывает — видимо, немало было уже телефонного перезвона между Моховой улицей и Старой площадью. Как им быть? 15-го мы читаем приказ вышнего комитета, гласящий, что Бутягина постановили немедленно **о т р е ш и т ь** от должности ректора за самовольное бегство с ответственного поста, за дезертирство. Даже глагол применили архаично- велеречивый «отрешить» — нашлись же стилисты! Но в приказе был и не менее сенсационный пункт — ректором Московского университета был /назначен... наш Борис Павлович Орлов, еще раз так невероятно возвысившийся! Откуда сие?

Мое противовоздушное дежурство в ночь на 16-е было домашним — во дворе у нашего жилища на 1-м Казачьем. Не помню уже, была ли в эту ночь тревога, быть может, короткая, с быстрым отбоем, — хорошо помнится следующий — многозначительнейший — день, день московской паники — печально знаменитое 16-е октября.

С утра радио — страусовое прятанье головы в песок, загадочная формулировка, что положение на фронте «ухудшилось». Где, что, как — никакой ясности. Неужели одной этой недомолвки оказалось достаточно для возникновения паники? Конечно, нет, были какие-то подспудные верховные сигналы, но о них — ни словечка!

На улицах малолюдно. Но в воздухе — странные метели из обрывков бумаги — на бричку попадают даже обожженные листки... Значит, панически рвут и жгут архивы[7]!

Первые же встречные с факультета объявляют, что Коллективу приказано собраться в сквере перед старым зданием. Семен Львович Луцкий — доцент экономико-географ, но тут как полномочный представитель партийного бюро факультета — ошеломляет нас новостью. Произносит сдержанным, нисколько ничего не драматизирующим голосом, бесстрастно, словно бы и не разверзаются никакие бездны. Он говорит:

— Дорогие друзья. Мне поручено известить вас, что с сегодняшнего 16-го числа Московский университет прекратил свое существование — объявлен расформированным.

Гром среди хоть и не совсем ясного неба. Вернее, грома-то все время ожидали — артиллерийского, фугасного, но не такого! И это после 186 лет существования университета. Так просто? Луцкий продолжает постным голосом:

-Поскольку вы больше не считаетесь сотрудниками университета, вам предоставлено право получить выходное пособие — кассы готовы к выплате. Отдел снабжения поможет вам получить и продовольствие — приготовьте тару...

Какую, сколько? И что это — распродажа перед всеобщим бегством. Но — тут-то Луцкий произносит и самое главное — насчет будущего:

— Намеченная отправка эшелонов отменяется. Сотрудникам, которые не хотят терять связи с университетом в будущем, рекомендуется как можно скорее покинуть Москву своими средствами с минимально необходимым багажом и двигаться в юго-восточном направлении с местом сбора... в Ташкенте.

Даже такой абсурд — протокольно, без капли скорби или хотя бы иронии в голосе. Пешком в Ташкент? Не надо быть и географом, чтобы понять чудовищность таких советов.

И — никакой тебе информации — почему, по чьему решению? Под угрозой чего? Неужели нашелся Кутузов, который сдаст Москву?

Подчиняемся начальным рекомендациям — получаем выходное пособие, какие-то продукты, срочно раздаваемые чуть ли не бесплатно. Поднимаюсь в деканат — там в панической спешке идет раздёр папок с личными делами профессуры. Скорее, скорее!

Куда идти? С рюкзачком на юго-восток к Ташкенту? А жена с двухлетней дочкой ютилась в это время в квартире моей матери на Малой Никитской — конечно, иду не в Ташкент, а туда, кстати и с благоприобретенными продуктами. На улицах увеличилась метель из обрывков бумаг и сажи — хлопьями. Ошеломляю домашних новостями об университете, отменой эвакуации и приглашением в Ташкент. Его даже не обсуждаем. Прильнули к репродуктору— журчит какая-то тренькающая «отвлекающая» музыка — вот еще когда проявилось наше циничное радиолицемерие!

Вдруг знакомые позывные, как перед важными сообщениями. И действительно — знакомый баритональный бас, уж он-то скажет... Ничего подобного. Просто Моссовет сообщает об открытии нескольких десятков хлебных ларьков. И никаких слухов — потом мы узнаем, что ими уже полнилась паникующая Москва — о подготовленных к взрыву заводах и станциях метро, о бегстве чуть ли не всего правительства... А на улицах — ни войск, ни паники, если не считать единичных истерических припадков...

Вечерние известия — опять ничего нового. Сводки о боях совсем не у самой Москвы — с чего же такая паника? А мне — дежурить на факультетском чердаке, хоть университета больше и нет. Здания-то стоят,

а это «боевые посты», доверенные нам для охраны. Сколько-то нас сегодня соберется не ушагавших в юго-восточном направлении?

На чердаке чуть не вся наша ночная команда — недосчитались единиц. Тревоги в эту ночь вроде и не было, зато был сам Б. П. Орлов. Болтали с ним о чем угодно, о шахматах, только не о его ректорстве. И не о судьбе университета — в доме повешенного не поминать же веревку.

Так прошли и 17-е, и 18-е. В ночь на 19-е Орлов к нам не пришел — видимо, хлопотал где-то выше. И сумел — дохлопотался таки до многого!

В Москве чрезвычайное положение, Жуков возглавил оборону, появились надежды... А на Моховой — своя главная новость, опять объявленная скромно, безо всякой тревожности: Московский университет восстановлен! Продолжает существовать! И все сотрудники тоже восстановлены в прежних должностях.

Горе с плеч? Нет, не то. Просто ощущение, что пресечен некий абсурд. И еще одно подтверждение лучших надежд: раз проявлена такая забота об университете — восстановить! — значит, и судьба Москвы вопреки всякой панике и комендантскому часу позволяет решавшим надеяться на лучшее. Так кто же впадал в панику?

О событии, которое произошло в Москве 29 октября,. Именно тогда, среди бела дня, в центр столицы прорвался немецкий лихач-ас, влетел на таком бреющем полете, что его и службы противовоздушной обороны прозевали, и сирены завыли, когда он уже клал свои фугаски (не знаю, почему их потом называли «воздушными торпедами»). Ас целил на Кремль, но чуть-чуть промахнулся и положил свои яички совсем рядышком. При этом пострадали и часть старых зданий университета на Моховой, и Большой театр, и даже часть зданий ЦК партии на Старой площади — тут меткость яйцекладущему не изменила.

«Торпеда» упала близ угла Моховой и Большой Никитской (Герцена), разрушила часть университетского клуба (бывшей церкви Святой Татьяны), волной свалила бюст Ломоносова, а на другой стороне

Никитской выбила окна в угловой части жилярдиев-ского здания, опустошив часть созданного еще Д. Н. Анучиным географического музея. Разлетевшиеся по улице фотографии папуасок из коллекции Миклухи-Маклая еще долго волновали местных мальчишек: приняв их за эротические картинки, они лихо разыгрывали изображения гологрудых дикарок, состязаясь в азартную расшибалочку.

Ущерб, нанесенный зданиям, был не так уж и велик, но на судьбы университета этот эпизод неожиданно повлиял самым решительным образом. «Помогли» этому гитлеровская пропаганда. То ли поверив рапорту своего аса, то ли, если он сумел вернуться не сбитый, разглядев места взрыва «торпед» на аэроснимках, радио Берлина объявило как победную сенсацию:

— Московский университет стерт с лица Земли!

Такую хвастню было легко опровергнуть простой публикацией фото целехоньких зданий университета, но нашим властям такого показалось мало, и они торжественно объявили чуть ли не на следующий же день: «Московский университет приступил к нормальным занятиям в столице». Так сказать, ударили хлестаковщиной по хлестаковщине!

В Москву университет вернулся уже без меня. Как раз весной 43-го я был призван в армию, попав в пехотное училище и вышагивал там свое право на офицерское звание, как и было положено, печатая строевой шаг и ползая по-пластунски с пулеметом по болоту...

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ГЕНЕРАЛОВ И МАРШАЛОВ

На Урале при эвакуированных туда академических институтах и штабе Уральского военного округа действовала Экспедиция особого назначения, — по ее поручению я вел изыскания в Башкирии (на случай перемещения фронта восточнее Волга!) и был привлечен к заочным военно-географическим консультациям по кавказскому фронту (бои уже шли в хорошо знакомом мне

горном Черноморье). Диктовал стенографистке обо всем, что знал насчет особенностей природы этой части театра военных действий — о проходимости перевалов, о лавинных опасностях, о подручных ресурсах...

Но и с этой, вроде бы полезной фронту, работы был снят военкоматом и призван в армию — оказался с весны 1943 года курсантом пехотного училища в Зауралье. Помимо положенного курса муштры участвовал в топосъемке учебных полей училища и ухитрился написать докладную в командные верхи «О неотложных задачах военно-географического обслуживания Красной Армии». Результат превзошел все ожидания: ничтожный курсант был вызван в Москву — пришлось его срочно приодеть, ведь будет козырять генералам! В результате я оказался на той самой военно-географической работе, которую и считал самой неотложной.

В течение 1944 — 1945 годов, уже в высоком чине младшего лейтенанта, участвовал в сочинении военно-географических характеристик европейского и дальневосточного театров военных действий — писал «путеводители для генералов и маршалов» по Берлинскому и Среднедунайскому операционным направлениям, по Сахалину, Приамурью, Приморью, Восточной Маньчжурии и Корее.

После победы удостоился поездки в советскую зону оккупации Германии изучил развалины Берлина и Потсдама, объездил Тюрингию, *проверяя* собственные путеводные советы, убедился, что и заочные военно-географические писания могут быть надежно достоверны. А весной 1946 года был прикомандирован к большой военно-топографической экспедиции по рекогносцировке старых и съемке новых карт Южного Сахалина и Курил. Но об этом особый рассказ.